

УДК 10.01.02 (алтайская (шорская) литература)
DOI 10.17223/18137083/53/13

И. С. Полторацкий

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Сюжетообразующие функции мотива утраты в шорской литературе

Рассматривается эволюция сюжетно-мотивного комплекса утраты в шорской литературе. Мотив личной утраты возникает в первом шорском стихотворении, опубликованном в дневниковой прозе миссионера И. М. Штыгашева. В течение ста лет существования шорской литературы мотив утраты усложняется, вступает во взаимодействие с мотивами исторической памяти, утраты языка, потерянного рая и т. д. Современный шорский поэт Г. В. Косточаков в двуязычном сборнике стихотворений «Я последний шорский поэт» подводит итоги исторического развития шорской литературы, увеличивая суггестивную нагрузку мотива утраты. В сюжетно-мотивном комплексе утраты, архетипичном для многих национальных литератур малочисленных народов, выделяются два основных мотива: личной и национальной утраты, которые, взаимодействуя и развиваясь, отражают роль частной судьбы человека во всеобщей судьбе народа и культуры, взаимодополняя друг друга.

Ключевые слова: национальная литература, сибирская литература, шорская литература, И. М. Штыгашев, Г. В. Косточаков, мотив утраты.

В литературах коренных малочисленных народов Сибири мотив утраты является одним из основополагающих, что обусловлено сложным социально-историческим положением малых народов, постоянно переживающих разрыв со своими культурными корнями, само обращение к которым является своеобразным оправданием творчества. Как правило, культура малочисленных народов ретроспективна, то есть обращена назад – в прошлое, которое представляется либо утраченным раем, либо временем великой трагедии, длящейся вплоть до момента написания художественного текста. Будущее видится безрадостным временем постепенного угасания жизни, настоящее (вкупе с урбанистическими пейзажами, отталкивающе воздействующими на традиционное натурфилософское мышление) не приносит удовлетворения. В такой ситуации обращение к памяти предков становится единственным способом автопрезентации. Многие авторы, принадлежащие к определенной национальной культуре, ощущают себя замыкающим звеном в цепочке, предполагая, что именно на них, буквально на данном тексте, национальная культура и прекратит свое существование. Ярким примером тому является

Полторацкий Иван Сергеевич – младший научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; sveter1988@mail.ru)

ISSN 1813-7083 Сибирский филологический журнал. 2015. № 4
© И. С. Полторацкий, 2015

ся название исследуемой нами книги Г. В. Косточакова «Я последний шорский поэт» [2003] с характерной отсылкой к известному стихотворению С. Есенина. Кроме того, внимательный исследователь может обнаружить здесь переключку с деревенской прозой, основным сюжетобразующим мотивом которой также является переживание тяжелой утраты.

Тематический комплекс утраты связан с различными группами сюжетобразующих мотивов: личной утраты, изгнания, исторической травмы, потери языка, смерти и старости, различными эсхатологическими мотивами и т. д.

Частотность обращения к этому мотиву в литературах различных коренных малочисленных народов объясняется несколькими причинами:

- социально-историческими условиями;
- статусом языка;
- близостью к фольклорным сюжетам.

Народы, исторически отчужденные от своих национальных границ, не создают, но сохраняют культуру, языки малочисленных народов нередко обладают статусом исчезающих, а художественная литература тяготеет к фольклорным жанрам. Консервативная «музейная» культура вынуждена защищать свое достоинство, не обладая достаточным количеством пассионарных ресурсов для создания новых смыслов и форм. В литературе эта ситуация осложняется просветительским влиянием других, устоявшихся литератур, буквально навязывающих первым национальным авторам эстетические принципы, до которых они не успели развиваться самостоятельно. Невозможность качественно освоить сюжетостроительную парадигму нового времени приводит к формированию специфических авторских стратегий письма, связанных с билингвальным мышлением. Можно выделить группу авторов, пишущих исключительно на национальном языке, принципиально игнорируя возможность перевода. Но подобные тексты слишком герметичны для выхода в межнациональное пространство, исследования данной группы текстов затруднены особенностями языка: комментатор либо должен владеть этим языком с рождения, либо быть энтузиастом-популяризатором культуры данного народа. Нам известны имена многих этнографов, лингвистов и фольклористов, посвятивших свою жизнь изучению культуры коренных народов, но литературоведы среди них встречаются достаточно редко. В первую очередь необходимо сохранить, записать и перевести фольклор малочисленного народа, что само по себе является сверхзадачей для целого круга исследователей, а уже после этого рассматривать «надстройку» новой литературы. Поэтому многие тексты, написанные на национальных языках, до сих пор остаются непереуведенными, а самим авторам приходится придерживаться менее радикального подхода к своему творчеству.

Второй стратегией авторской репрезентации является одновременное существование двух версий текста – оригинальной и переводной, причем возможны различные варианты: текст изначально написан на национальном языке, потом самим же автором переведен на русский, и наоборот. При авторской работе с двумя языками возникают своеобразные двойчатки, представляющие собой целостный текст, существующий на двух языках.

И третий вариант – написание текста на неродном языке, но с привлечением национальных сюжетов и образов. Здесь художественный эффект достигается за счет использования «языка отчуждения», которым описывается трагическая ситуация самого отчуждения.

В каждом из описанных вариантов существования двуязычного текста мотив утраты выполняет сюжетобразующую функцию, так как ощущение утраты языка постепенно становится культурным архетипом малочисленных народов. Например, Любовь Арбакова в билингвальных стихотворениях-двойчатках из книги «Онзас черим // Тернии души» (2001) рассматривает трагический процесс вырожд-

дения национальной культуры в контексте частной жизни, то есть тема национальной трагедии сопрягается с мотивом личной утраты [Полторацкий, 2015]. Татьяна Тудегешева в русскоязычных стихотворениях сборника «Поющие стрелы времён» (2000) включает шорскую культуру в контекст глобального эпического общетюркского мифа о Чингисхане, с горечью осознавая, что сегодня этот миф окончательно утратил связь с реальностью и уже невозможно «оказаться среди бушующих знамён в смешенье всадников и языков гортанных» [Тудегешева, 2000, с. 70].

Рассмотрим эволюцию мотива утраты на протяжении ста лет развития шорской литературы. Для краткости возьмем две предельные точки: первое произведение шорской (алтайской) литературы – очерк «Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева» [Штыгашев, 1885] и условно последнее – сборник стихотворений «Я последний шорский поэт» Геннадия Косточакова [2003]. Следует учитывать, что на протяжении практически всего XX в. шорский народ буквально находился на грани исчезновения. Об этом Г. В. Косточаков пишет в предисловии к двуязычному сборнику произведений шорской литературы «Чедыген»: «В конце 30-х годов репрессии почти свели на нет нашу литературу. Речь идет не столько о физическом уничтожении или унижении писателей и поэтов, сколько об уничтожении самого шорского письменного языка...» [Арбачакова и др., 2007, с. 3].

Также он выделяет три главных этапа развития шорской литературы:

- 80-е гг. XIX в. – зарождение и становление;
- 20–30-е гг. XX в. – расцвет и постепенное затухание, которое длилось до 70-х гг.;
- 90-е гг. XX в. – новый расцвет.

Следовательно, шорская литература является не возвращенной, а возрожденной. В таком историческом контексте мотив утраты становится ее центральной темой, чего, к сожалению, мы не можем сказать, не покрывив душой, об обратном мотиве возрождения, который возникает в текстах либо конъюнктурного характера («Шория, Шория, пусть цветёт твоя история»), либо просто выглядит бесосновательным относительно реальной социокультурной ситуации.

К примеру, шорский прозаик середины XX в. С. С. Тотыш (1907–1982) пишет рассказы и повести для детей с целью сохранить преемственность национальной культуры: «Основной идейно-эстетической доминантой творчества С. С. Тотыша явилась попытка отображения национально-особенных черт шорского народа, его культуры, его мироотношения, мировоззрения – всего того, что с точки зрения писателя (курсив автора) утрачивается безвозвратно. Беспокоила неизбежность культурной ассимиляции народа, который имеет все права избежать этой печальной участи» [Косточаков, 2009, с. 38].

Шорская литература начинается в 1883 г., когда под руководством В. И. Вербицкого И. М. Штыгашев, священник Матурского отделения Алтайской духовной миссии, коренной шорец, переводит Священное Писание на шорский язык и становится первым шорским писателем. Г. В. Косточаков пишет: «С этого перевода, сделанного изящным, лаконичным и богатым шорским языком, и начинается наша литература [Там же, с. 6].

Сам же Штыгашев опубликовал только два оригинальных русскоязычных произведения, выполненных в жанре духовных путевых заметок, характерном для миссионерской прозы конца XIX – начала XX в., – «Путешествие алтайца в Киев, Москву и её окрестности» (1884) и «Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева» [Штыгашев, 1885]. В «Путешествии» Штыгашева соединяются лирический и эпический типы повествования, взаимодействующие на сюжетном и языковом уровне: христианский пласт повествования насыщен церковной лексикой, бытовые эпизоды, содержащие

в себе подробные описания повседневной жизни шорцев, выполнены живым разговорным языком, стилистически обработанным и переосмысленным на основе субъективной точки зрения автора.

Заканчивается очерк большим стихотворением на шорском языке, написанным по случаю кончины родного брата Иосифа (Осифа) и практически одновременной утраты близкого друга – Моисея Орочинова, с которым Штыгашев поддерживал тесную связь еще со времен обучения в семинарии. К стихотворению прилагается прозаический перевод и лирический комментарий в духе сентиментализма. То есть можно утверждать, что шорская поэзия начинается с мотива личной утраты. «Увы! Уже никогда я не увижу своего единоутробного брата, вот отчего и кручина моя несносная...»

Стихотворение не имеет заглавия и состоит из сорока двух строк, написанных силлабической разновидностью ямба с нечеткой рифмовкой, причем лексика оригинального текста не совпадает с приведенным прозаическим переложением. В шорском тексте нет религиозной лексики (отсутствует упоминание о втором пришествии Христа и устойчивые религиозные формулы).

По замечанию Г. В. Косточакова «стихотворение написано в стиле фольклорного причитания по усопшему, в нем не чувствуется русская, тем более церковная литература, здесь автор во власти родного языка и фольклора. Заметна традиционная параллельная конструкция стихотворных строк, попытка добиться начальной рифмы и аллитерации» [Косточаков, 2009, с. 24].

Мотив утраты в данном произведении тесно связан с мотивом смерти близкого родственника. Собственно это событие и является лирическим сюжетом стихотворения. Сначала Штыгашев пишет о великом горе по поводу гибели своего друга Моисея Орочинова, с которым вместе учился в Казанской семинарии, но дальше узнает о гибели своего друга брата Иосифа, что погружает его в еще большую скорбь, которая завершится только после второго пришествия Христа.

Важно отметить, что авторский перевод шорского текста на русский язык может осуществиться лишь приблизительно, стиль его написания идентичен общему стилю лирического очерка, а само стихотворение является уникальным вставным эпизодом, необходимость которого вызвана глубоким переживанием утраты, выразить которую возможно только на родном языке. Но в творчестве Штыгашева нет и не может быть сюжета исторической травмы, потери национальной идентичности, наоборот, как искренний миссионер, он увлечен становлением новой христианской ментальности среди своих соплеменников.

Творчество Геннадия Васильевича Косточакова, шорского лингвиста, доцента кафедры шорского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии, одного из самых ярких представителей двуязычной шорской поэзии, является, в определенном смысле, воплощенным итогом столетнего исторического движения шорской литературы, начатого И. М. Штыгашевым. Исходя из логики названия своей второй поэтической книги (первая книга «Ала Тагла-рым») (1994) была написана только на шорском языке), Косточаков берет на себя ответственность завершить это движение. То есть мы можем наблюдать редкую ситуацию не гибели, но сознательного завершения истории литературы целого народа.

В предисловии автор объясняет, чем обосновано подобное название книги («Я последний шорский поэт»): «Такое название, конечно же не для того, чтобы вызвать у вас вполне естественную реакцию – утешения, или недоумения, несогласия, оспаривания и т. п. Я, как автор, надеюсь только на одно – понимание другой, то есть моей оценки мира» [Косточаков, 2003, с. 4]. Далее он размышляет о существовании двух своих языковых личностей – шорской и русскоязычной: «Именно эта не востребованность эта даже уже почти невозможность (для читателя) голоса по-шорски и явились причиной такого странного названия данной кни-

ги стихотворений... <...> Название книги говорит не столько о шорском народе, его языке и судьбе, сколько – о личности моего лирического героя. Он – шорский поэт, и именно как шорский (!), он, наверное, последний! Поэты есть и будут, а вот шорских (с шорским голосом, в шорской культуре находящихся) поэтов больше не будет, видимо, никогда!» [Косточаков, 2003, с. 5].

Основообразующий мотив утраты в данной книге взаимодействует с мотивами утраты культуры, языка, личности, которым противопоставляется важный для Косточакова мотив отклика – читательского и человеческого взаимопонимания, которое единственное способно преодолеть забвение. «Но ведь отсутствие понимания и отклика извне не менее губительно для той же личности!»

В заглавном стихотворении книги лирический герой сравнивает себя с кедром, свой язык с березой, мотив утраты реализуется через образ высохшего или опавшего дерева.

Берёза священная век уж суха,
ты же дли свои дни, мой язык, дли и дли... [Там же, с. 11].

...берёза священная высохла
и голос шаманский умолк... [Там же, с. 15].

...я последний шорский поэт!
кедр осенью опадёт;
летом снег упадёт, вихрь мятежный
погребальную песню споёт
я последний шорский поэт [Там же, с. 13].

Завершается книга стихотворением «листопад», основанном на центральном мотиве – скоротечности человеческой жизни.

...каждый день,
как каждый лист держу
философским осмыслением [Там же, с. 192].

Композиция книги Косточакова построена по принципу утраты национального языка – переводные тексты вытесняются русскоязычными, в которых постепенно появляются интертекстуальные отсылки к мировой культуре. Например, встречаются стихотворения, озаглавленные «Н. К. Рерих» и «Ду Фу», вниманием к поэтике последнего обусловлено возникновение в книге нового раздела философских трехстиший. Горечь утраты национальной культуры смягчается выходом в область мировой литературы, но, наслаждаясь новой игрой в цитаты и реминисценции, подводя философические итоги своей жизни, поэт умалчивает о дальнейшей судьбе своего народа, оставляя для читателя вопрос открытым: что будет с шорской литературой дальше?

Дальнейшие размышления на эту вечную тему можно найти в следующей книге Г. В. Косточакова «Ветка родимого кедра. Книга созвучной лирики» [2013], в которой идея созвучия и взаимопонимания между автором и читателем становится основополагающей возможностью преодоления отчуждения.

Таким образом, в сюжетно-мотивном комплексе «утрата», архетипичном для многих национальных литератур малочисленных народов, выделяются два основных мотива: личной и национальной утраты, которые, взаимодействуя и развиваясь, отражают роль частной судьбы человека во всеобщей судьбе народа и культуры, взаимодополняя и усложняя друг друга.

Список литературы

- Арбачакова Л. Н. Косточаков Г. В., Чульжанова Л. И.* Чедыген: Сб. произведений шорской лит. на шорском и рус. яз. Кемерово, 2007.
- Косточаков Г. В.* Литературный портрет Шории: Кн. для учителя родной (шорской) лит. Кемерово, 2009.
- Косточаков Г. В.* Ветка родимого кедра. Томск, 2013.
- Косточаков Г. В.* Я последний шорский поэт. Новокузнецк, 2003.
- Полторацкий И. С.* Циклическая организация двуязычного сборника на примере книги Л. Н. Арбачаковой «Оңзас черим // Тернии души//» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 126–133.
- Тудегешева Т. В.* Поющие стрелы времён. Новокузнецк, 2000.
- Штыгашев И. М.* Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева. Казань, 1885.

I. S. Poltoratsky

The storymaking functions of the motif of loss in the Shorian literature

The paper discusses the evolution of the motif of loss in the Shor literature. The motif of personal loss arises in the first Shor poem, published in the diary prose of the first Shor orthodox missionary I. M. Shtygashev. Over a period of one hundred years of the existence of the Shor literature the motif of loss becomes complicated, comes into interaction with motifs of historical memory, loss of language, Paradise Lost, etc. The modern Shor poet G. V. Kostochakov in the bilingual collection of poems «I Am the Last Shor Poet» sums up the results of the historical development of the Shor literature, increasing the suggestive loading of the motif of loss. Singled out in the plot and motif complex of loss, archetypical of many national literatures of smaller peoples, are two basic motifs; of personal and of national loss, which, while interacting and developing, reflect the role of a man's private destiny in the general destiny of the people and the culture, mutually supplementing each other.

Keywords: national literature, Siberian literature, Shor literature, I. M. Shtygashev, G. V. Kostochakov, the motive of loss.

DOI 10.17223/18137083/53/13